

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО
ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ЗВЁЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Звёзды над обрывом / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 384 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92506-3

Актриса цыганского театра, блистательная Нина Молдавская, замужем за сотрудником ГПУ. Со своей таборной родней артистка не виделась много лет. Но по России катится голод, и в хлебную Москву стекаются тысячи цыган. Руководство ГПУ принимает решение очистить сталинскую столицу от «кочевого элемента». Уезжая из Москвы на гастроли, Нина даже не догадывается, какая угроза нависла не только над кочевыми цыганами, но и над её подростковыми дочерьми...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92506-3

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова и артистку
эстрады Екатерину Шаикову
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

*Светлой памяти Николая Бессонова,
этнографа, историка, художника,
посвящает эту книгу автор.*

Г Л А В А 1

Жара. Жгучее солнце, марево над пустой дорогой. Слепящие меловые холмы. Тоскливые крики канюков под облаками. Июльская степь выгорела почти добела, и полёгший ковыль напоминал длинные седые волосы, прядями лежавшие на пересохшем темени земли.

Босые ноги мерно шлёпали по дороге. Качался над ними обтрёпанный, запылённый подол юбки. Пустая торба не тёрла плечо, и Мери привычно, почти без горечи думала: опять всем сидеть голодными...

— Идите в табор, сказано! На что вы мне там? — сердито бросила она, слыша за спиной топот детских ног.

— Нет, мы с тобой! — упрямо сказала Нанка, отбрасывая со лба мокрые от пота волосы. В свои девять лет она была неутомима на ноги, как любая цыганская девчонка. Мишка, её брат, не стал даже тратить слов. На его лице серым налётом лежала пыль. Чёрные отцовские глаза из-под сросшихся бровей блестели упрямо.

— Шли бы в табор! — повторила Мери. — Набегаетесь — есть захотите! А взять негде! И в больнице той тоже ничего не найдём... кроме покойников.

Нанка молча перекрестилась. Мишка дёрнул плечом.

— Не хочу, чтоб ты туда одна шла, — сердито буркнул он. И, не тратя больше слов, уставился на крошечного орла, парящего в небе.

«Весь в отца», — подумала Мери. Вслух же сказала:

— Ну, ума нет — тогда терпите!

Стояло лето голодного 1932 года.

Минувшей зимой в деревне под Смоленском, куда табор обычно приезжал на зимний постой, была такая бескормица, что цыгане не спали по ночам, дежуря в конюшнях и справедливо опасаясь, что голодные люди сведут и съедят их лошадей. В округе давно ни у кого не осталось ни коров, ни свиней. Даже собаки с кошками пропали с улиц. Кое-где уже ловили и варили крыс. На цыганских коней смотрели с возмущением. К таборным то и дело приходили деревенские. Предлагали за скотину золото, смотрели просительно. Цыгане в ужасе отказывались:

— Да ну вас, мужики! С ума, что ли, посходили?! Лошадь съест — всё равно что человека!

— Погодите, скоро и до этого дойдёт, — печально обещали деревенские.

В начале весны появились агитаторы: решительные, молодые, в потёртых военных гимнастёрках. Их речь в кругу растерянных цыган звучала бодро и напористо:

— Вот что, граждане кочевники, хватит вам по дорогам шляться! Надо жить как люди: работать, детишек учить. Это раньше до вас никому дела не было, а сейчас советская власть о любом человеке думает! Оставайтесь. Вступайте в колхоз. Ссуды вам дадим под строительство, дома поставите — а не эти ваши палатки рваные! Работать будете! Школа в селе есть, осенью приведёте детей. Надо по-человечески жить учиться, работать со всеми, страну поднимать!

— А как же, товарищ... Мы обязательно! Мы и сами понимаем, — осторожно соглашались цыгане. — Ссуда — это хорошо... Дома, значит, дадите? Ну что ж, порядок есть порядок, пишите нас в свой колхоз...

Той же ночью табор тихо снялся с места. Всю ночь, чертыхаясь, гнали коней по раскисшей дороге, на всякий случай впотьмах свернули с большака на едва заметный просёлок — и к утру оказались в тридцати верстах от гостеприимного колхоза.

— Слава тебе, господи, вырвались! — радовался муж Мери, нахлёстывая лошадей. — Совсем рехнулись со своими ТОЗами¹-колхозами... Это ж додуматься надо — цыган на землю сажать! Своих-то мужиков уже умучили — видать, мало им! Бог спас, вовремя мы сбежали! Осенью вернёмся — авось, надоест им к тому времени, успокоятся...

— Думаю, не успокоятся, — грустно отозвалась Мери. — Это же сейчас повсюду. Под Витебском вон сразу четыре табора в колхозы загнали! И не уговаривали даже, как нас, — а прямо сразу сказали, что лошадей отберут! Бумагу показывали! Напугали до смерти — цыгане и согласились!

— Так что же делать прикажешь, учёная моя?! — рассвирепел Семён. — Честь гаджам² отдать и строим в хаты жить идти? Давай, говори, раз опять умнее всех!

— Не знаю, — медленно сказала Мери. — Сама не знаю, Сенька.

Муж покосился на неё, вздохнул. Чуть погода, не отводя взгляда от лошадиных спин, сказал:

¹ ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли. Форма коллективного хозяйства, предполагающая добровольное обобществление земли и труда при сохранении личной собственности на средства производства.

² От «гаджэ» — нецыгане.

— Не сердись. Ты, верно, права... Только ведь вечером наши ко мне опять приставать начнут! «Что делать будем, морэ? Куда поедем? Что у гаджен в головах, чего они к нам пристали?» И будут за мной по табору ходить, как гусята за гуской! И что я им говорить должен?!

Мери, вздохнув, только пожала плечами.

К счастью, весна выдалась ранняя и дружная. Снег сошёл в три дня. Копыта лошадей разбивали голубые лужи на дорогах, по обочинам лезла молодая трава — и цыгане, отъехав от Смоленска, слегка приободрились:

— Не может же быть, чтобы повсюду голод был! В Смоленске-то часто так... Неурожай, и всё тут! Сидят, кулаки сосут! А на Дону, у казаков, завсегда хлебно! Даже в самые худые годы, когда война была, свой кусок цыганки добывали! А сейчас ведь и войны даже нету никакой! Доедем до станиц — отъедемся! Может, хоть там эту глупость — колхозы-то — не выдумали ещё?

Мери, слыша эти разговоры, помалкивала. Но Семён всегда знал, что означает эта тревожная морщинка между бровей у жены. Вечером, когда Мери, сидя у костра, доваривала суп из молодого щавеля, муж вполголоса спросил:

— Думаешь, и в станицах худо будет?

— Думаю, что да, — Мери не поднимала глаз от булькающего варева. — В газетах ведь только и пишут про коллективизацию...

— То есть, не наиграются никак твои гаджэ? — хмуро уточнил Семён. — Чего им надо-то, вот растолкуй хоть ты мне? Ведь только-только налаживаться всё стало! Меришка, ты же учёная! Гимназью заканчивала! Знать должна!

— Сенька, но откуда же мне знать? Гимназию мою он вспомнил, боже мой... В газетах разве правду напишут? Хотят, чтобы большие хозяйства были, чтобы легче людям работать...

— Чего? Легче?! — взорвался Семён, и сразу несколько человек повернулось от соседних шатров. Мери испуганно взмахнула ложкой. Муж сразу же успокоился, шумно вздохнул, махнул рукой. Помолчав, проворчал:

— У богатых гаджэн хозяйства большие, крепкие, земли много запахивают — так приходят и отбирают всё! Такого ведь даже и при царе не было! Отбирают, по другим людям раздают! А толку нет! Целые деревни с голоду мрут!

— Да ты мне-то хоть не рассказывай, — грустно сказала Мери, снимая котелок с огня. — Иди сюда лучше, поешь. И не заглядывай в котёл: нет там ничего путного! Шесть деревень с девками обошли сегодня — и без толку! Ни хлеба, ни сала, ни курёнка, ни мышонка! Гаджэ злые, гонят нас... Брашка наша в один двор сунулась — так баба на неё из избы выскочила! Худая, страшная, кости друг о дружку стучат — да как кинется на Брашку с топором! И не кричит, а только рот разевает, — а во рту ни единого зуба! Брашка, бедная, чуть богу душу с перепугу не отдала! Мы всемером едва её отбили от той ведьмы! В другой деревне в хату захожу — а все по лавкам лежат. И будто не люди, а просто сухие палки сложены! Смотрят на меня, глазами водят и ничего не говорят! Я покрутилась, да и вон! Нечего взять у них, Сенька, совсем нечего... Весна, пахать, сеять надо — а люди с полатей встать не могут!

— Не вой, — сквозь зубы велел муж, прихлёбывая ложкой горячую зеленоватую жижу. — Авось проскачем как-нибудь через это. И прежде голодуха случалась, так выбирались же! Щавель уже вырос, травка всякая. Скоро ягоды пойдут. Детей-то покормила ты?.. Эй! Это... это что такое в котле плавает?!

— Рыба! — усмехнулась Мери, поглядывая на сына, который с довольной улыбкой сидел у края шатра. — Мишка наш

натаскал из речки, пока мы с Нанкой по деревням бежали! Я почистила да в котёл кинула: пусть курицей прикидывается!

Семён невольно ухмыльнулся, — и лицо жены сразу просветлело.

— Ладно, Сенька. Цыгане мы. И не такое переживали. Поглядим...

С каждым днём становилось всё теплей. Дни стояли долгие, ясные. Солнце висело над степью, золотя спины таборных лошадей. По сторонам дороги тянулись поля. Цыгане, которые ездили здесь каждый год, с удивлением крутили головами. Те угодья, которые в это время уже были аккуратно вспаханными, взбороненными и засеянными, сейчас напоминали старое, рваное, кое-как заштопанное лоскутное одеяло. Где-то было запахано — но брошено без бороны, и чёрные отвалы земли пересыхали под горячими лучами. Кое-где поля топорщились прошлогодней стерней. Местами не было даже жнивья — просто лежащая на земле, перезимовавшая необранная рожь. Где-то всё же было засеяно, — но вместе с рожью из земли решительно поднимались целые колонии пырея и сурепки.

— Вовсе ума, что ль, мужики лишились? — недоумевали цыгане, косясь по сторонам. — А мы-то думали — только в Смоленске такое...

В деревнях, куда цыганки бежали гадать, рассказывали страшное и непонятное. Из знакомых богатых домов пропали прежние хозяева. Целые сёла стояли опустевшими. Поля зарастали сорняками, неокученная картошка засыхала в окаменелой почве. В одном селе цыгане увидели ряды красноармейцев, занятых прополкой могучих сорняков, выросших в картофельных полях. Цыганки, со времён Первой Мировой уверенные, что где армия — там и еда, радостно кинулись к ним. Давний опыт не подвёл: женщинам удалось